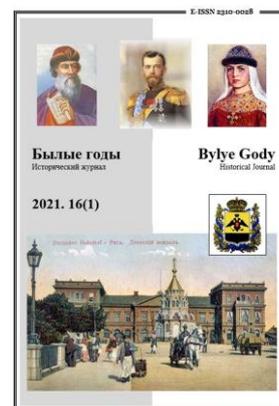

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 191-199.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.191
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Russian-Iranian Secret Negotiations of 1853–1854 and the Conclusion of the Convention on Iran's Neutrality

Nugzar Ter-Oganov ^{a, b, c, *}

^a Tel Aviv University, Israel

^b Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

At the turn of the 40-50s of the XIX century the aggravation of the imperial, geopolitical interests of the leading European powers both in Europe itself and in the Middle East, contributed to the formation of the anti-Russian coalition consisting of the Great Britain, France, Austria, and also Ottoman Turkey.

The alignment of forces that was not in favor of Russia before the start of the Crimean War (1853–1856) led the imperial court to the idea of the need to conclude a military alliance with Iran. The formation of such an alliance would help Russia prevent the creation of a Turkish-Iranian military bloc, whose actions would be directed against the Caucasus.

Fearing such an outcome, in anticipation of the war with Turkey, Russia proposed Iran to make a military alliance. The Russian-Iranian negotiations, which were held from July to December 1853, did not give the expected results, with the exception of the statement made by Naser ed-Din Shah (1848-1896) on Iran's strict neutrality in the case of war against Turkey. Nevertheless, during the next Russian-Iranian negotiations, discussion of two alternative versions of the agreement continued: 1. Conclusion of the Russian-Iranian military alliance or, 2. Declaration of neutrality by Iran. Taking into account the unfavorable foreign policy situation, the Russians decided not to conclude an agreement on a military alliance with Iran, after which, on September 29, 1854, the Convention of Iran's neutrality was signed.

Keywords: The Russian-Iranian secret negotiations of 1853–1854, Russian-Iranian military cooperation, the Convention of 1854 on the Iranian neutrality, Naser ed Din Shah Qajar, Nikolai I, Prince D.I. Dolgorukii, Count M.S. Vorontsov, K.S. Neselrode, General V.O. Beibutov, General N.A. Read, General A.S. Sankovsky, N.V. Khanikov.

1. Введение

В конце 40-х – начале 50-х годов XIX в. в Европе сложилась крайне напряженная политическая ситуация, когда интересы ее ведущих держав столкнулись не только на европейском континенте, но и на Ближнем Востоке. На этом фоне стало вырисовываться стремление России воспользоваться своими успехами по укреплению монархического режима в Европе и использовать их в деле окончательного решения в свою пользу вопроса о черноморских проливах. Следует заметить, что Николай I необоснованно полагал, что, посулив Британской империи кое-какие уступки в виде территориальных приобретений, можно получить у нее согласие на передачу проливов под юрисдикцию России. Вышло так, что планы Николая I по захвату проливов и его неоднократные высказывания по данному вопросу, изложенные во время его откровенной беседы с английским послом сэром Хамильтоном Сеймуром в Санкт-Петербурге в январе 1853 г., серьезно встревожили

* Corresponding author

E-mail addresses: nugzar19473@gmail.com (N. Ter-Oganov)

английское правительство (Vulliamy, 1939: 52-53). Еще более обеспокоились англичане после того, как стали проявляться контуры русско-турецкого военного противостояния.

На фоне будущего столкновения стала складываться европейская коалиция, которая вознамерилась воспрепятствовать распаду Османской империи, с одной стороны, и территориальному расширению Российской империи – с другой¹.

Следует заметить, что уверенность российского императора в скором развале Османской империи еще более окрепла после того, как в начале 1853 г. крайне обострились отношения между Австрией и Османской империей по вопросу Черногории (Монтенегро). По мнению М. Андерсона, это укрепило в Санкт-Петербурге опасную уверенность в том, что турки всегда уступают, когда на них как следует давят. А в Константинополе стали чувствовать нависшую над ними угрозу и готовиться к ее отражению (Anderson, 1968: 120).

Со своей стороны, чтобы нейтрализовать активность Турции в направлении Кавказа, Россия предложила Ирану заключение военного союза, для чего предложила начать переговоры по данному вопросу.

2. Материалы и методы

Основным документальным источником сведений о русско-иранских тайных переговорах 1853–1854 гг. стала хранящаяся в Центральном государственном историческом архиве Грузии «Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией» (ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890). В ней не только изложен весь ход самих переговоров, но и дается детальная характеристика политической атмосферы процесса переговоров.

«Записка» является ценнейшим источником по исследованию процесса переговоров, а также задач, стоявших перед их участниками. Она раскрывает военно-политические цели, которые ставили перед собой переговорщики. Наряду с детальным описанием переговорного процесса в «Записке» изложены положения конвенции о нейтралитете Ирана в Крымской войне (1853–1856 гг.).

Следует заметить, что подробности о русско-иранских переговорах 1853–1854 гг. до сих пор не становились объектом специального исследования, за исключением двух работ. Труд О.А. Гокова «Русская военная миссия 1853–1854 гг. в Персию в контексте «Восточного вопроса» (Гоков, 2013. № III-IV), в которой рассказывается о направлении по договоренности в Иран русских офицеров для содействия иранской армии в борьбе против турецких войск на фоне военного противостояния с Турцией. В нашей публикации «Геополитические предпосылки Крымской войны (1853–1856 гг.) и тайные русско-иранские переговоры» (Тер-Оганов, 2019. XXXII) мы предприняли попытку установления причинно-следственной связи между формированием антирусской коалиции европейских стран на рубеже 40–50-х годов и началом русско-иранских переговоров 1853–1854 гг., завершившихся подписанием Ираном конвенции о нейтралитете в Крымской войне (Тер-Оганов, XXXII. 2019). При разработке темы была использована обширная специальная литература, посвященная различным аспектам военно-политической истории Крымской войны, а также исследования по каджарскому периоду истории Ирана.

Основным методом работы, примененным в данной публикации, является критический анализ документального материала, раскрывающего позиции участников русско-иранских переговоров. Вместе с тем для раскрытия темы был использован структурированный метод для установления причинно-следственной связи между Крымской войной и подписанием в Тегеране конвенции о нейтралитете Ирана.

3. Обсуждение

Как известно, к лету 1853 г. русско-турецкие отношения обострились настолько, что Россия разорвала дипломатические отношения с Турцией. Оказавшись наедине с европейской коалицией и Турцией, она стала зондировать почву для заключения военного союза с Ираном против Турции.

Между тем в Иране произошли существенные внутривнутриполитические изменения. В конце 40-х годов, осознав необходимость переустройства страны, иранский премьер Мирза Таги-хан Амир Кабир (1848–1851 гг.) приступил к целой серии реформ, включая военную. Под его руководством Иран стал преобразовываться: были заложены основы для создания единой регулярной армии, открыто военное училище для подготовки офицеров, стала развиваться промышленность, в том числе военное производство. За его активной деятельностью пристально следили два могущественных соседа Ирана – Россия и Англия. У каждой из этих стран были свои интересы в Иране и, следовательно, они остро реагировали на любые попытки их игнорирования. Россия была недовольна, например, мятежом в 1846–1850 гг. крупного хорасанского феодала Салара, поддержанного англичанами (История..., 1971: 208), приглашением иностранных военных

¹ Что касается позиции Николая I, то он был уверен в скорейшем распаде Османской империи и, исходя из этого, русская дипломатия стала действовать именно в этом ключе. Подробнее о европейской коалиции и позиции России по "Восточному вопросу" см. нашу статью (Тер-Оганов, 2019: 28-32).

специалистов из третьих стран для обучения иранской армии, а Англия – планами Мирзы Таги-хана по созданию собственного военно-морского флота в Персидском заливе, поскольку там его считали «английским озером», и любая активность в этом регионе английский политический истеблишмент воспринимал как угрозу национальным интересам Британской империи. Причем степень беспокойства в столицах этих империй была неравнозначна.

На этом внешнеполитическом фоне и в относительно спокойном внутривнутриполитическом положении, когда к концу 1850 г. было окончательно сломлено движение бабидов в Иране благодаря жестким мерам премьера, в шахском дворце стали плести интриги против инициативного и властолюбивого премьера. Опасаясь чрезмерного его усиления в ущерб шахской власти при попустительстве ближайшего окружения молодого шаха Насер эд-Дина (1848–1896 гг.), стали открыто выступать против него, в результате чего в ноябре 1851 г. он был отстранен от власти и сослан в Кашан. Следует заметить, что, несмотря на заступничество российского посланника, иранского премьера не только не восстановили в должности, но и поспешно физически устранили. По утверждению английского востоковеда П. Авери, «по иронии судьбы, меры предпринятые российским посланником по спасению Амира, скорее всего, ускорили его казнь» (Avery, 1965: 59), что дает нам основание полагать, что российская миссия не была за его смещение с должности, а тем более не желала ему смерти. Исходя из этого, можно высказать предположение, что его считали более приемлемым для России, чем для Англии, что могло породить необоснованное подозрение в его «русофильстве». Хотя последовавшее назначение на пост нового, проанглийски настроенного премьер-министра Мирзы Ага-хана (1851–1858 гг.), противопоставившего себя политическому курсу Мирзы Таги-Хана, говорит о многом.

Таким образом, попытка России в 1853 г. к сближению с Ираном с целью заключения антитурецкого пакта совпала с изменением внешнеполитической ориентации Ирана. Тем не менее российскому посланнику князю Д.И. Долгорукому, который не питал доверия к Мирзе Ага-хану из-за его связей с англичанами, все-таки пришлось с ним общаться (Avery, 1965: 68). Согласно Генри Роулинсону, англичанам было известно о том, что Россия предложила Тегерану участвовать в войне против Турции (Rowlinson, 1970: 86). Со своей стороны и Иран изъявил готовность использовать удобный момент для возвращения оккупированного Турцией района Котура, для чего он стал скапливать свои войска в приграничных с Турцией районах. Общность интересов подтолкнула обе стороны к обсуждению вопроса о заключении русско-иранского военного союза.

I – Переговоры по заключению русско-иранского военного союза

Согласно дипломатической записке («Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией»), составленной по русско-иранским переговорам, шахское правительство было готово присоединиться к России при условии, что в случае заключения ею мирного договора с Турцией завоеванные Ираном турецкие земли останутся в его владении, о чем было доведено до сведения Министерства иностранных дел России. Уже 25 июля 1853 г. (по старому стилю) иранский премьер-министр Ага-хан Нури, заступший на эту должность с титулом Этемад од-Доуле сразу после убийства бывшего талантливого премьера Мирзы Таги-хана (Mostofi, 1997: 48), отправил российскому посланнику князю Долгорукому секретную программу, составленную самим Насер эд-Дин-шахом, суть которой состояла в следующем:

1. России следует принять во внимание скудность шахской казны и отказаться от одного *корура* туманов контрибуции¹.

2. Россия передаст необходимое количество военных припасов Ирану.

3. Россия должна дать свое согласие на союз с Ираном, пока эта страна будет воевать с Турцией.

4. После наступления мира не все захваченные турецкие земли следует вернуть. Но в случае, если Турция будет настаивать на возврат всех земель, тогда Иран потребует возмещения своих военных расходов.

При этом иранское правительство было готово держать под ружьем 60 тыс. пеших, конных и артиллеристов и воевать с Турцией. Более того, оно было готово принять русских офицеров для руководства иранской армией.

Не дождавшись ответа из Санкт-Петербурга на шахское предложение, Долгорукий предпочел проявлять осторожность и отказаться от излишней активности. Вместе с тем он посчитал целесообразным не раздражать англичан, а также не вызывать подозрение у турок преждевременной концентрацией иранских войск недалеко от турецкой границы в районе Солтание. Между тем стало известно, что, согласно депеше Долгорукого в МИД от 18 августа 1853 г., английская миссия высказалась против поездки шаха в Солтание, и, чтобы разругать ситуацию, она передала через иранского консула в Багдаде предложение Порты о необходимости заключения турецко-иранского союза с целью совместного нападения на Закавказье! Согласно Долгорукому, на это предложение англичан иранский премьер ответил отказом, заявив о том, что Иран будет сохранять нейтралитет.

¹ Речь идет о выплате Ираном последнего *корура* (пятьсот тысяч) туманов контрибуции, наложенной на эту страну Туркманчайским мирным договором.

Тем временем, несмотря на предупреждение англичан, шах все-таки отправился в Солтание, где к сентябрю 1853 г. были уже мобилизованы 29 тыс. пеших, 8 тысяч конных и 30 артиллерийских орудий (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 168), но вскоре из-за свирепствовавшей в лагере холеры ему пришлось распустить свои войска. Хотя, по нашему мнению, могла быть и другая причина роспуска войск: не дождавшись ответа из Санкт-Петербурга на свое предложение, то есть не прояснив позицию России с заключением военного союза, шах решил не риковать и не ввязываться в войну с Турцией. Об этом косвенно свидетельствует и обещание шаха приступить к сбору войск сразу после получения ответа из российской столицы.

Как выясняется из содержания личного письма Долгорукого на имя наместника на Кавказе графа М.С. Воронцова от 2 октября 1853 г., МИД России желал сохранения Ираном дружественного нейтралитета до начала войны с Турцией. Забегая вперед, следует заметить, что этой линии российский МИД придерживался на всем протяжении Крымской войны (1853–1856 гг.). Между тем в ответ на предложение шаха от 25 июля 1853 г. только 6 октября в своей депеше на имя Воронцова министр иностранных дел России К.В. Несельроде просил передать благодарность шаху за «дружественное предложение». Вместе с тем Долгорукому было рекомендовано воздерживаться от положительных оценок условий союза, поскольку, как там опасались, его неправильное толкование могло сыграть на руку противнику России (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 171).

Несмотря на уклонение от конкретного ответа, российский император приказал Долгорукому продолжить переговоры с Ираном, поскольку в случае нападения Турции на Закавказье Иран мог бы оказать большую помощь в виде «военной диверсии». Тем не менее, Николай I воздерживался от заключения военного союза с Ираном, но за оказанную военную поддержку был готов отказаться от выплаты оставшейся суммы контрибуции.

Между тем военные приготовления Ирана вынудили Англию объявить о прекращении политических отношений с этой страной. Тогда для ускорения ведения переговоров с Долгоруким Ага-хан Нури назначил своих уполномоченных Мирзу Джафар-хана и Фарух-хана.

Следует заметить, что после того, как Турция объявила войну России в начале октября 1853 г., вопрос о сборе иранского войска для русской стороны стал актуальным. Ввиду изменившейся ситуации Долгорукий предложил шаху следующее:

1. Передать в распоряжение императора 60-тысячное иранское войско.
2. Из этого количества войска 40 тысяч следовало отправить в район Хоя, на самый стык русско-иранско-турецкой границы.
3. Все военные операции следовало согласовывать с главнокомандующим императорскими войсками.
4. Иранский главнокомандующий – *сардар-е колл* – должен был отправиться в Тавриз для установления связи с русскими офицерами, которые предварительно были туда направлены.
5. Иранской стороне следовало действовать быстро.

После завершения переговоров иранские уполномоченные потребовали от Долгорукого передачи секретной депеши Несельроде. Необходимо заметить, что ее копию Долгорукий получил с тем условием, чтобы, с одной стороны, ее содержание не разглашалось, а с другой – иранские войска должны были немедленно быть направлены к турецкой границе. Следует заметить, что, несмотря на предпринятые меры предосторожности, о содержании переговоров и их судьбе изначально было известно англичанам, скорее всего благодаря англофильской позиции иранского Садр Азам Ага-хана Нури. Об этом свидетельствует и генерал-майор сэр Генри Роулинсон, который по этому поводу пишет следующее: «К счастью переговоры, начатые в 1853 г., провалились, отчасти благодаря оппозиции со стороны Садр Азама, который в тот момент, не обремененный личными соображениями, был больше склонен в сторону Англии, чем России» (Rowlinson, 1970: 86).

Как выясняется из письма Воронцова на имя Несельроде, отправленного 8 ноября 1853 г., для руководства стратегическими движениями иранских войск на линии Хоя, согласно высочайшему повелению, следовало отправить в Тавриз одного генерала и двух штабс-офицеров для встречи и совещания с иранским главнокомандующим Азиз-ханом. Как выясняется, для выполнения данного поручения был назначен генерал А.С. Санковский, который должен был связаться с командующим русскими войсками, начальником особого корпуса генералом В.О. Бейбутовым, находившимся на самой турецкой границе, и сообщать ему о передвижениях иранских войск. Для налаживания связи русских офицеров с иранцами был привлечен статский советник Н.В. Ханыков, в будущем известный русский востоковед (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 177).

В тот момент, когда русская сторона ждала начала движения иранских войск в сторону турецкой границы, согласно сообщению Долгорукого, возникло существенное разногласие между шахом и его премьером: если шах желал послать войско и установить союз с Россией, то Садр Азам хотел путем посылки на границу войск лишь предотвратить возможные нарушения. Однако, по заверению шаха, деньги для содержания войска уже были отправлены по назначению, кроме того готовился к отъезду и иранский главнокомандующий. Однако вскоре выяснилось, что стороны так и не смогли договориться по отдельным пунктам. Более того, Ага-хан Нури выдвинул требование, согласно которому прощение одного *корура* контрибуции должно было стать предисловием к

дальнейшим действиям (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 183). По справедливому заключению Долгорукого, Иран хотел воевать за свои интересы под покровительством русского оружия. Но когда затягивание переговоров дошло до предела, Ага-хан Нури был вынужден сослаться на ложный тезис о том, что якобы ведению наступательной войны против Турции не было оправдания в глазах духовенства и народа. С другой стороны, и шах, наткнувшись на такое сопротивление со стороны премьера, также не сдержал своего слова. Между тем, как выясняется, иранский премьер был готов оказать России всего лишь «моральную поддержку» (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 184).

Вскоре, как только стало известно об изменении иранской позиции, Воронцов приказал направлявшемуся в Иран генералу А.С. Санковскому и двум штаб-офицерам – гвардии полковнику И.А. Бартоломео и подполковнику Генерального штаба П.К. Услару¹ – оставаться в Ереване, о чем была уведомена русская дипломатическая миссия в Тегеране.

II – *От военного русско-иранского союза к нейтралитету Ирана*

Но, как вскоре выяснилось, шах изменил свою позицию относительно заключения военного союза и изъявил желание сохранить строгий нейтралитет, о чем уже 14 декабря 1853 г. Воронцов уведомил Несельроде. Таким образом, русско-иранские переговоры по вопросу заключения военного союза, которые велись с июля по декабрь 1853 г., окончились безрезультатно. Тем не менее, по мнению наместника на Кавказе, для России было важным, чтобы Иран не переметнулся в стан ее противников². Там считали, что Иран был в состоянии выставить один вооруженный отряд для предотвращения грабительских набегов иранских курдов на приграничные районы российской империи. Вместе с тем была высказана мысль о том, что следовало способствовать распространению мнения о праве Ирана на обладание Багдадом, что могло оттянуть турецкие силы от Кавказского фронта.

21 декабря 1853 г., после того как в Санкт-Петербурге узнали о провале русско-иранских переговоров, Несельроде через наместника направил Долгорукому депешу с двумя инструкциями, из которых одна была официальная, а другая – секретная. В официальной части выражалось сожаление по поводу несостоявшегося союза и указывалось, что Россия якобы не искала этого союза, но когда его предложили, то она приняла его. В связи с этим Долгорукому было указано на необходимость довести до сведения шахского правительства, что русская сторона не была готова принять моральную поддержку (*appui moral*), предложенную Садр Азамом вместо обещанной военной поддержки (*cooperation armee*), и предпочитала нейтралитет Ирана (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 189-190).

Как следует из содержания секретной части инструкции Несельроде Долгорукому, русское правительство изначально не надеялось на получение пользы от иранского войска. Главная цель заключалась в недопущении военного союза между Ираном и Турцией (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 191). По мнению Несельроде, «...удержать Персию в строгом нейтралитете должна быть цель всех усилий и стараний нашего посланника» (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 192).

Поскольку нейтралитет Ирана устраивал русское правительство, то по настоянию Долгорукого, согласно его депеше на имя Несельроде от 14 января 1854 г., «персидское правительство решилось опубликовать свой нейтралитет ввиду возникшей между Россией и Турцией войны, что и сделано посредством статьи, напечатанной в официальной газете Тегеранской» (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 194)³.

Но не прошел и месяц после объявления нейтралитета, как, узнав о победах России в Азиатской Турции, иранская сторона изъявила желание заключить с ней военный союз. Тогда Несельроде дал согласие на продолжение переговоров лишь с целью недопущения сближения Ирана с противниками России (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 194-195). Вместе с тем Долгорукому было рекомендовано неофициально подтолкнуть Иран к походу на Сулейманию или Багдад. Между тем о желании возобновления переговоров со стороны Ирана заявил представитель Садр Азама – Мирза Мохаммад Хосейни, отправившийся из Санкт-Петербурга в Тегеран. Со своей стороны и генеральный консул в Тифлисе Касем-хан передал письмо Мирзы Ага-хан Нури, в котором тот просил Воронцова оказать помощь в возобновлении переговоров. Кроме того, как выясняется, Садр Азам стал жаловаться на вызывающее поведение Долгорукого. Вместе с тем и генеральный консул в Тифлисе также стал жаловаться генералу Реаду, временно заменившему на посту наместника Воронцова, на не отражающие правду донесения князя Долгорукого императорскому двору с утверждением того, что якобы именно он препятствовал осуществлению данного проекта. Иранский консул заявил даже о том, что, явившись к шаху, Долгорукий якобы пригрозил Ирану экспедицией в Гилян и Мазендаран в случае отказа этой страны провозгласить свой нейтралитет (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 208). По мнению генерала Реада, такая интерпретация событий нужна была иранской стороне для оправдания провала переговоров, вину за который намеревались возложить на Долгорукого.

¹ Об истории отправки этих офицеров в Иран смотри (Гоков, 2013) (интернетверсия).

² Кстати, опасение того, что в случае образования коалиции из европейских стран и Турции, враждебных России, Иран, соблазненный финансовой помощью, обещаниями или просто под угрозами, мог к ней примкнуть, и позднее циркулировало в русских военных кругах (Артамонов, 1889: 1).

³ Скорее всего, имеется в виду издававшаяся в Тегеране по инициативе Мирзы Таги-хана газета «*Рузнаме-йе эттефакийе*».

Между тем 12 марта 1854 г. Англия и Франция подписали соглашение с Османской империей, по которому взяли на себя обязательство защищать ее от России. Вслед за этим 28 марта в Лондоне и Париже официально была объявлена война против России (Anderson, 1966: 131).

III – *Очередной раунд русско-иранских переговоров по заключению союза*

Это обстоятельство не могло не подвигнуть русское правительство на скорое заключение соглашения с Ираном. Как следует из депеши Несельроде генералу Реаду, отправленной 27 марта 1854 г., последнему было поручено вести переговоры с прибывшим в Тифлис иранским поверенным и заключить с ним трактат или конвенцию на следующих условиях:

1. Россия отказывается от одного *корура* туманов контрибуции, которую Иран должен был выплатить.
2. Обе стороны договариваются, что ни одна из сторон не заключит сепаратного мира.
3. Дать слово Ирану, что после окончания заключения мира Россия предусмотрит интересы Ирана.
4. Вместе с тем Россия осознает, что не может стать гарантом сохранения за Ираном захваченных им земель в результате похода на Багдад или Сулейманию. Но Россия гарантирует Ирану согласие на возврат Ирану оккупированных турками земель, принадлежащих ему согласно Эрзерумскому трактату.

Военное снаряжение и деньги, которые требует Иран от России, могут быть ему переданы лишь в случае продолжения военных действий более одного года.

Что касается обязательств Ирана, то, по мнению Несельроде, эта страна должна была взять на себя обязательство в кратчайшие сроки собрать в районе Хоя 40-тысячное войско, которое ранее было обещано русской стороне. Оно должно было подчиняться указаниям русских офицеров. Кроме того, Иран должен был не допустить нападения курдских племен на российскую границу.

28 апреля 1854 г. на основании указания из Санкт-Петербурга генерал Реад представил на рассмотрение императору Николаю I «Краткую записку по персидскому вопросу» (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 211).

Согласно этой записке, генерал Реад разделял точку зрения Воронцова о том, что в случае продолжения войны с Турцией наилучшей позицией Ирана было бы соблюдение им жесткого нейтралитета. При этом генерал не преминул упомянуть об «интригах» английского и турецкого консулов в Тегеране (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 212). По мнению генерала, не следовало требовать от Ирана сбора сильного войска в районе Хоя, поскольку в случае провала переговоров не была исключена возможность его использования против России. Генерал считал, что было бы целесообразнее направить иранское войско на сторону Багдада с целью отвлечения сил карсского корпуса турецкой армии (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 213-214). Вместе с тем генерал Реад проявлял осторожность, считая приезд иранского переговорщика в Тифлис всего лишь уловкой, поскольку, по его утверждению, иранская сторона одновременно вела тайные переговоры с турецким консулом. По его мнению, если подписание конвенции состоялось бы в Тегеране, то русская сторона наверняка потребовала бы ее исполнения, а также удаления английских и турецких агентов из Ирана (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 215-216).

Как выясняется, оправдались догадки генерала Реада о ведении иранской стороной закулисной игры. Так, в отправленной 14 апреля 1854 г. депеше Долгорукого был указан не только факт уклонения шаха и его первого министра от посылки уполномоченного по переговорам в Тифлис, но и возможного отказа от его ведения. Тем не менее после долгих проволочек 25 апреля 1854 г. Долгорукий наконец сообщил о предложении иранского премьера о разделе поровну расходов по содержанию иранского войска, сославшись на тяжелое финансовое положение своей страны. В случае согласия русской стороны Садр Азам был готов выставить 80 тысяч пехоты, 20 тысяч кавалерии и 10 тысяч артиллеристов. Кроме того, иранский премьер обещал передать в распоряжение России лучшие войска в количестве 35 тысяч человек, а остальную часть направить в Мохаммару, Багдад, Герат, Мерв и прочие места. В конце концов курьер был отправлен (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 219).

Чтобы далее не обострять ситуацию с Долгоруким, на которого жаловались шах и его премьер, Несельроде решил отозвать его из Тегерана и на его место назначить временно исполняющим обязанности поверенного в делах многопытного бывшего генерального консула в Тавризе Н.А. Аничкова. В конце концов иранское правительство передумало отправку своего уполномоченного в Тифлис. В этих условиях Аничкову было дано указание, согласно которому в случае отказа иранцев от союза для российской стороны нейтралитет был бы самым желательным (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 220-221). Тем не менее в Министерстве иностранных дел России все-таки теплилась надежда на заключение союза при содействии опытного Аничкова.

Исходя из этого, была составлена очередная «Официальная инструкция». Николай I считал, что в случае заключения военного союза с Ираном против Турции Англия могла напасть на Персидский залив со стороны Афганистана, Белуджистана и Кермана, однако Россия не смогла бы оказать ей военную помощь. Поэтому он полагал, что нужно было заключить такое соглашение, которое не дало бы повод Англии для вторжения: то есть этот союз не должен был носить наступательный характер. По указанию императора Аничков должен был подписать такое

соглашение, по которому Иран брал бы на себя обязательство не предоставлять врагам России никакой помощи, не допускать вывоза хлеба и военных припасов для турецкой армии, а также перехода турецкими войсками иранской границы, держать в узде иранских курдов с целью недопущения их грабительских набегов на русскую границу. Император указывал на необходимость сохранения этого акта в тайне. Со своей стороны Россия брала на себя обязательство простить Ирану выплату одного кошура туманов контрибуции.

Кроме «Официальной инструкции» Н.А. Аничкову была дана и «Секретная инструкция», согласно которой военная помощь со стороны иранцев признавалась бесполезной. В ней раскрывалась цель русско-иранских переговоров: недопущение заключения военного союза Ирана с противниками России. Отметалась опция передачи денег иранской стороне для содержания войска, поскольку, как справедливо полагали в России, с одной стороны, войска существовали на бумаге, а деньги были бы использованы исключительно в интересах Ирана и вместе с тем затруднили бы России заключение мира с Османской Турцией и ее союзниками. По мнению Николая I, поход на Сулейманию и Багдад был личным вопросом Ирана. Аничкову было дано указание не соглашаться с предложением об участии России в войне Ирана против Турции и Англии.

Заключение конвенции о нейтралитете Ирана

Наконец, в результате русско-иранских переговоров 29 сентября 1854 г. в Тегеране была подписана конвенция о нейтралитете¹. По требованию иранского правительства ее следовало хранить в тайне (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 223-225).

Статьи о нейтралитете сводились к следующим четырем пунктам:

1. Иран отказывается от оказания военной помощи врагам России на протяжении всей войны с Турцией и ее союзниками. Иран не допустит вывоза провианта для войск стран, действующих против русской армии. Не позволит им пересекать российскую границу с целью нападения. Не допустит курдские племена к границам России.

2. Иран не допустит вывоза военных припасов для войск стран, воюющих против России.

3. Россия берет на себя обязательство, что если Иран будет соблюдать условия конвенции на протяжении всей войны, то она откажется от взимания последнего кошура контрибуции.

4. Эта конвенция не меняет ничего в соглашениях, заключенных между двумя странами.

Следует заметить, что в связи подписанием конвенции о нейтралитете Ирана Садр Азам в своей ноте, переданной русской стороне иранским уполномоченным, подтвердил условия этой конвенции. В ней он подчеркнул, что будет запрещен вывоз провианта, хлеба и риса для войск, воюющих против России, из Азербайджана² и Геруса, а также Керманской провинции. Иран заявил об установлении квот на вывоз хлеба для нужд паломников в размере 100 выюков на один караван и их прохождение только через один таможенный пункт – Зохаб. Вместе с тем не запрещалась продажа хлеба кочевникам, живущим по обе стороны границы. Вслед за подписанием конвенции состоялась ее ратификация (ЦГИАГ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2890. Л. 229).

3. Заключение

Таким образом, противостояние России с европейской коалицией и Османской Турцией, разрыв дипломатических отношений с последней стали прелюдией начала Крымской войны 1853–1856 гг. В надежде найти союзника в борьбе против Турции Россия обратила свой взор в сторону Каджарского Ирана, которому она предложила заключение военного союза. В июле 1853 г. были заложены основы для ведения русско-иранских переговоров с целью согласования военных действий против Турции. Одним из важных пунктов переговоров был отказ России от выплаты Ираном последнего кошура контрибуции. Несмотря на обнадеживающее начало, из-за расхождения интересов сторон в декабре того же года переговоры были прерваны.

Как показал ход переговоров, при невозможности заключения военного союза с Ираном главной целью российской дипломатии стал нейтралитет Ирана. Хотя 14 января 1854 г. иранское правительство объявило о своем нейтралитете в Крымской войне, однако после победы русских войск над турками в начале 1854 г. шахский двор опять настроился на продолжение переговоров. Тем не менее вопрос о нейтралитете Ирана оставался в центре внимания русской дипломатии. Для облегчения переговоров был даже смещен со своего поста российский посланник Долгоруков и на его место назначен опытный генеральный консул в Тавризе Аничков. В конце переговоров российская сторона пришла к выводу о бесполезности военной помощи со стороны Ирана. В результате 29 сентября 1854 г. в Тегеране была подписана конвенция о нейтралитете Ирана, что обеспечило безопасность тыла русской армии, воевавшей с турками на Кавказском фронте.

Следует признать, что на конечный результат Крымской войны в некоторой степени повлияло и соблюдение Каджарским Ираном строго нейтралитета, что дало возможность России предотвратить

¹ Нельзя согласиться с утверждением Н.Н. Туманович о том, что якобы в период Крымской войны присутствие английского флота в водах Персидского залива вынудило шахское правительство в 1854 г. объявить о своем нейтралитете (Туманович, 1982: 146).

² Имеется в виду историческая, северо-западная область Ирана.

заклучение ирано-турецкого военного союза и склонить в свою пользу чашу весов в войне с Турцией на Кавказе.

Литература

- Артамонов, 1889** – *Артамонов Л.К.* (1889). Персия как наш противник в Закавказье. Тифлис, 1889. 193 с.
- Гоков, 2013** – *Гоков О.А.* Русская военная миссия 1853–1854 гг. в Персию в контексте «Восточного вопроса» // *Иерусалимский вестник ИППО*. 2013. № III–IV. С. 263–279.
- История..., 1971** – *История стран Азии и Африки в новое время* (Учебное пособие). Москва, 1971. 622 с.
- Тер-Оганов, 2019** – *Тер-Оганов Н.К.* Геополитические предпосылки Крымской войны (1853–1856 гг.) и тайные русско-иранские переговоры // *Сумский историко-архивный журнал*. 2019. № XXXII. С. 27–45.
- Туманович, 1982** – *Туманович Н.Н.* (1982). Европейские державы в Персидском заливе в 16–19 вв. Москва, 1982. 190 с.
- ЦГИАГ** – Центральный государственный исторический архив Грузии. Фонд 11. Оп. 1. Д. 2890.
- Anderson, 1966** – *Anderson M.S.* The Eastern Question 1774–1923. A Study in International Relations. London and Basingstoke, 1966. 463 p.
- Avery, 1965** – *Avery P.* Modern Iran. London, 1965. 527 p.
- Mostofi, 1997** – *Mostofi A.* The Administrative and Social History of the Qajar Period [The History of My Life]. Costa Mesa, California, 1997. Vol. I, 334 p.
- Rowlinson, 1875** – *Rowlinson Sir Henry.* England and Russia in the East; a Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. New York-Washington-London, 1875. 393 p.
- Vulliamy, 1939** – *Vulliamy C.E.* Crimea. The Campaign of 1854–1856. With the Outline of Politics and a Study of the Royal Quartet. London, 1939. 368 p.

References

- Anderson, 1966** – *Anderson, M.S.* (1966). The Eastern Question 1774–1923. A Study in International Relations. London and Basingstoke, 463 p.
- Artamonov, 1889** – *Artamonov, L.K.* (1889). Persiya kak nash protivnik v Zakavkaz'e [Persia as our enemy in the Transcaucasus]. Tiflis, 193 p. [in Russian]
- Avery, 1965** – *Avery P.* (1965). Modern Iran. London, 527 p.
- Gokov, 2013** – *Gokov, O.A.* (2013). Russkaya voennaya missiya 1853–1854 gg. v Persiyu v kontekste «Vostochnogo voprosa» [Russian military mission 1853–1854 to Persia in the context of the "Eastern question"]. *Ierusalimskii vestnik IPPO*. № III–IV. Pp. 263–279. [in Russian]
- Istoriya..., 1971** – *Istoriya stran Azii i Afriki v novoe vremya* (Uchebnoe posobie) [History of the countries of Asia and Africa in modern times (A textbook)]. Moskva, 1971. 622 p. [in Russian]
- Mostofi, 1997** – *Mostofi, A.* (1997). The Administrative and Social History of the Qajar Period [The History of My Life]. Costa Mesa, California. Vol. I, 334 p.
- Rowlinson, 1875** – *Rowlinson Sir Henry* (1875). England and Russia in the East; a Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. New York-Washington-London, 393 p.
- Ter-Oganov, 2019** – *Ter-Oganov, N.K.* (2019). Geopoliticheskie predposylki Krymskoi voiny (1853–1856 gg.) i тайные русско-иранские переговоры [Geopolitical premises of the Crimean War (1853–1856) and secret Russian-Iranian negotiations]. *Sumskii istoriko-arkhivnyi zhurnal*. XXXII: 27–45. [in Russian]
- TsGIAG** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii. Fond 11. Op. 1. D. 2890.
- Tumanovich, 1982** – *Tumanovich, N.N.* (1982). Evropeiskie derzhavy v Persidskom zalive v 16–19 vv. [European powers in the Persian Gulf in the 16–19 centuries]. Moskva, 190 p. [in Russian]
- Vulliamy, 1939** – *Vulliamy, C.E.* (1939). Crimea. The Campaign of 1854–1856. With the Outline of Politics and a Study of the Royal Quartet. London, 368 p.

Русско-иранские тайные переговоры 1853–1854 гг. и заключение конвенции о нейтралитете Ирана

Нугзар Константинович Тер-Оганов ^{a, b, c, *}

^a Тель-Авивский университет, Израиль

^b Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nugzar19473@gmail.com (Н.К. Тер-Оганов)

Аннотация. На рубеже 40-х – 50-х годов XIX в. обострение имперских, геополитических интересов ведущих европейских держав как в самой Европе, так и на Ближнем Востоке, способствовало формированию антирусской коалиции в составе Англии, Франции, Австрии, а также Османской Турции.

Сложившийся не в пользу России расклад сил перед началом Крымской войны (1853–1856 гг.) привел императорский двор к мысли о необходимости заключения военного союза с Ираном. Образование подобного союза помогло бы России предотвратить создание турецко-иранского военного блока, действия которого были бы направлены на Кавказ.

Опасаясь подобного исхода, в преддверии войны с Турцией Россия предложила Ирану заключение военного союза. Русско-иранские тайные переговоры, проводившиеся с июля по декабрь 1853 г., не дали ожидаемых результатов, за исключением устного заявления Насер эд-Дин-шаха Каджара (1848–1896 гг.) о соблюдении Ираном строгого нейтралитета в войне против Турции.

Тем не менее, как свидетельствует дипломатическая переписка российского посланника князя Д.И. Долгорукого с министром иностранных дел России К.В. Несельроде и наместником царя на Кавказе графом М.С. Воронцовым, обе стороны были заинтересованы в заключении военного союза только на своих условиях. Сложившаяся внешнеполитическая ситуация также накладывала свой отпечаток на переговорный процесс, меняя его характер и тональность. Однако в результате первых побед Кавказской армии над турками начался следующий раунд русско-иранских переговоров, в ходе которых были обсуждены два альтернативных варианта соглашения: заключение русско-иранского военного союза или объявление Ираном нейтралитета.

Приняв во внимание неблагоприятное внешнеполитическое положение и избегая его дальнейшего обострения, российская сторона решила отказаться от заключения соглашения о военном союзе с Ираном, после чего 29 сентября 1854 г. в Тегеране в условиях секретности была подписана конвенция о нейтралитете Ирана.

Ключевые слова: русско-иранские тайные переговоры 1853–1854 гг., конвенция 1854 г. о нейтралитете Ирана, Насер эд-Дин-шах Каджар, Николай I, князь Д.И. Долгорукий, граф М.С. Воронцов, К.В. Несельроде, генерал В.О. Бейбутов, генерал Н.А. Ред, генерал А.С. Санковский, Н.В. Ханыков.